

Два поколения исследований о поколениях. Читая книги «Социальная мобильность в России: поколенческий аспект» (2017) и «Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве» (1997)¹

Александра Бурдяк*

Тема поколений в России не теряет своей актуальности: дети, родившиеся после распада Советского Союза, заканчивают учебу и выходят во взрослую жизнь, что служит и источником новых эмпирических данных, и дополнительным импульсом для таких исследований. Недавно, в середине сентября 2017 г. тема поколений стала центральной для нескольких мероприятий. Семинар Высшей школы экономики (Радаев, 2017) был построен как обсуждение результатов количественного анализа разных возрастных когорт, проведенного В. Радаевым на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ. Дискуссия в Сколково (Mind The Gap, 2017) носила скорее «качественный» характер: с одной стороны, несколько представителей крупного бизнеса озвучили перспективы передачи бизнеса своим детям и очертили влияние таких перспектив на отношения отцов и детей. С другой стороны, «дети» в лице двух молодых талантливых людей представили свою точку зрения на карьеру и успешность.

На третьем научном событии сентября 2017 г., где также звучала тема поколений — Всероссийской конференции «Новосибирские научные чтения памяти Т. И. Заславской»² — я познакомилась с Ольгой Терещенко, одним из авторов книги «Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве» (1997), полученной в скором времени мной в подарок. Книга была издана по результатам третьей волны проекта «Пути поколений» и представляет собой старшее поколение российских исследований о поколениях. Вторая книга, о которой сегодня пойдет речь, вышла совсем недавно — это монография «Социальная мобильность в России: поколенческий аспект» (2017). В ней, в том числе, приводятся результаты «Социального расслоения...» (1997) в качестве описания исторической эпохи, однако на лонгитюдном исследовании 1990-х я остановлюсь подробнее, чем это смогли себе позволить авторы в рамках собственной монографии.

Насколько молодые когорты отличаются от поколения своих родителей? Как они выстраивают свои траектории в поле образования и на рынке труда? Влияют ли на их выбор мнение, статус, обеспеченность родителей? Действительно ли жизнь в виде набора типичных карьерных траекторий сильно изменилась по сравнению с тем, что было 20 или

---

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания ИнСАП РАНХиГС 2017 года

* Бурдяк Александра, старший научный сотрудник Лаборатории исследований уровня жизни и социальной защиты Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. aleksandra.burdyak@gmail.com

² Сайт конференции: https://www.ieie.su/conf/socreads2017/conf_socreads2017.html

40 лет назад? Каковы перспективы социальной мобильности в современной России? Я буду обращать внимание читателя на эмпирические базы, методы анализа и полученные выводы, так как мы вместе с коллегами из Института социального анализа и прогнозирования и Независимого института социальной политики провели достаточно много исследований социальной сферы, в том числе с помощью опросов населения.

Книга «Социальная мобильность...» (2017) — итог масштабного исследовательского проекта о межпоколенной социальной мобильности четырех поколений в российской истории. В 2015 г. ее авторы реализовали общероссийский репрезентативный опрос по случайной вероятностной выборке 5081 респондентов в возрасте от 25 до 70 лет, а также серию глубинных интервью (85 штук) с двумя группами респондентов (руководители среднего звена и рядовые рабочие и служащие) из двух возрастных групп (25–30-ти и 45–50-летних). Наряду с анализом указанных свежих эмпирических данных, авторы подтягивают к контексту два исторических исследования, проведенных до начала 1990-х:

- архив семейных историй «Век социальной мобильности в России», собранный в 1992–1994 гг. под руководством Д. Берто в виде биографических интервью молодых людей 1965–1968 годов рождения, их родителей и прародителей (180 интервью в 82 семьях);
- и лонгитюдное исследование «Пути поколения» о людях 1965–1968 годов рождения, проведенное в 1983–1993 гг. под руководством М. Титма.

Собранные семейные истории служат историческим фоном для анализа современных эмпирических данных. В центре внимания «Путей поколения» — становление карьеры одного выбранного поколения 17–18-летних выпускников средних учебных заведений (средних школ, ПТУ, техникумов, училищ) на жизненном отрезке от 17 до 28 лет в позднесоветские годы и в начале рыночного периода. Необходимо сказать об истории проекта «Пути поколений». Он возник в 1982 г. по замыслу М. Титмы, который в течение двадцати лет вел эстонский лонгитюд, начиная с 1966 г., когда будучи аспирантом, он провел стартовый опрос 2266 выпускников средних школ Эстонской ССР. Базовая идея «Путей поколения» — реализовать масштабное по охвату регионов СССР сравнительное исследование субъективных детерминант жизненных карьер и социальных процессов

интеграции молодежи во взрослую жизнь. Было проведено три этапа лонгитюдного опроса в 1983, 1989–1990 и в 1993 гг., во всех трех участвовали Беларусь, Латвия, Литва, Эстония, Таджикистан, Харьковская обл. Украины и Свердловская обл. России. В одной-двух волнах опроса «Пути поколений» были представлены Казахстан, Молдова, некоторые другие области Украины и России, кроме указанных выше.

Интересными для современного читателя могут показаться выводы первой волны опроса 1983–1985 гг. Исследователи обнаружили, что образовательные и карьерные траектории молодежи формируются в первую очередь под влиянием экономических и территориальных социальных структур, а непосредственные целевые и ценностные установки молодых людей уходят на второй план. Межрегиональные сопоставления показали высокую дифференциацию социальных параметров, например разительные различия образовательных систем, и эмпирическое доказательство существования огромного неравенства (вопреки действующей тогда идеологии равенства) М. Титма считает одной из главных заслуг «Путей поколений». Вторая волна опроса выпала на очень сложные в институциональном и финансовом плане годы, поэтому охват респондентов и число регионов-участников оказались ниже, чем изначально планировалось.

Третий этап (1993–1994 гг.) был призван показать стабилизацию жизненных путей тех же респондентов примерно через десять лет после окончания среднего общеобразовательного учреждения. Он показал, что социальные позиции 27-летних оказались намного неустойчивее, чем у предыдущих возрастных когорт в сопоставимом возрасте. Мимо воли исследователей проект автоматически превратился в международный. Он стал как бы результатом научного эксперимента, позволяющего полевым способом изучить влияние структурных изменений на жизненные траектории одного поколения. Анализ данных третьего этапа опроса «Пути поколений» был усовершенствован с помощью методов событийного анализа, который нами применялся при анализе трудоустройства выпускников в лонгитюдном исследовании «Образование и занятость» Независимого института социальной политики (Обследование..., 2005).

Межпоколенной социальной мобильности посвящена глава 3 книги 1997 г. В ней модели рассчитываются на лонгитюдных данных о респондентах из четырех стран — бывших советских республик Беларусь, Литва, Латвия и Эстония. Выборка для исследования по линии респондент — отец составила 4309 человека, по линии респондент — мать 4689 человека, которые на момент опроса работали, и для которых было известно социальное положение их родителей на момент окончания среднего учебного заведения. Авторы анализируют одномерные распределения социального положения респондентов и их родителей, вычисляя по матрицам переходов структурную, циркулярную, восходящую и нисходящую мобильности, и строят логлинейные модели для изучения относительной мобильности. Профессиональный статус респондентов и их родителей измерялся по международной шкале ISCO и в целях анализа был укрупнен до следующих категорий (с. 108):

- 1) руководители;
- 2) специалисты высшего звена (предполагается наличие высшего образования);
- 3) специалисты среднего звена (со средним специальным образованием);
- 4) конторские служащие;
- 5) работники сферы услуг;
- 6) сельскохозяйственные рабочие;
- 7) индустриальные квалифицированные рабочие;
- 8) индустриальные неквалифицированные рабочие.

Что показало сравнение в 1993 г. социальных страт 27–28-летних с поколением их родителей возраста 45–50 лет? Во всех четырех странах резко увеличилась доля специалистов с высшим и средним специальным образованием, особенно в Литве и Беларуси.

Значительно сократилась занятость рабочих в сельском хозяйстве, а также уменьшилась доля индустриальных рабочих. Радикально изменилось гендерное соотношение в категории руководителей. В когорте родителей процент руководителей-мужчин в два раза выше, чем руководителей женщин. Среди «детей» в Беларуси и Литве мужчины и женщины представлены среди руководителей в равных пропорциях, а в Эстонии и Латвии, где рыночная реформа была более продвинута, доля женщин среди руководителей стала в три раза ниже, чем доля мужчин, то есть гендерная дифференциация этих стран усилилась. Среди специалистов высшего и среднего звена (группы 2 и 3) в родительском поколении 2/3 составляли женщины. В поколении «детей» в Эстонии и Латвии перевес женщин среди специалистов стал еще выше, а в Беларуси и Литве, гендерные диспропорции, наоборот, немного выровнялись.

Очень высока доля воспроизводства социально-профессионального статуса среди специалистов: более половины детей представителей групп 2) и 3) в списке выше, впоследствии в своей трудовой деятельности также попали в указанные группы. Особенно это касается специалистов высшего звена (группа 2). Таким образом, эмпирически в пост-советских странах подтвердилось два вывода, сделанных в исследованиях по западноевропейским странам. Первый — мобильность сверху вниз гораздо менее интенсивна, чем потоки восходящей социальной мобильности. Второй — перемещения по горизонтали между соседними (одного уровня) социально-профессиональными группами происходят более активно, чем перемещения вверх или вниз.

Воспроизводство социально-профессионального статуса по отцовской линии имеет место для 29–33% респондентов четырех стран (минимально в Литве), повторили позицию своих матерей 19–24% опрошенных. Восходящая относительно отца мобильность зафиксирована для 45–56% (максимальна в Литве), а относительно матери — для 48–60% опрошенных (максимальна тоже в Литве). Самые большие различия по полу родителя в восходящей мобильности наблюдаются в Беларуси (48% по отцовской и 56% по материнской линии). Повышенную мобильность по материнской линии авторы книги 1997 г. считают прямым следствием образовательных достижений молодых женщин. Более активную межпоколенную мобильность женщин мы наблюдаем и через двадцать лет после их исследования (Малева, Бурдяк, 2016).

Вернемся к книге «Социальная мобильность в России: поколенческий аспект» (2017), в российские условия и в современный контекст исследований поколений. Сравнивая масштабы мобильности разных поколений, авторы данной книги делают вывод, что в России доля тех, кто воспроизводит должностные позиции своих родителей, растет, а эффективность социальных лифтов снижается. С утверждением «средний класс, определяемый в соответствии с принятыми в Европе стандартами, составляет не более 8%» (с. 204) мне трудно предметно поспорить, так как в данном месте текста авторы не дают ссылки на источник цифры — но по результатам наших исследований доля среднего класса в России около 20%, но есть и другие подходы к определению и оценки (Социальная стратификация, 2017). Также авторы называют представителями среднего класса часть участников интервью на с. 240, при этом приводя общие рассуждения о классовом анализе на с. 120–122 и не конкретизируя само определение. Видимо, здесь имеются в виду руководители среднего звена.

Совершенно согласна с авторами, что застойное состояние экономики не способствует росту среднего класса. Однако постепенный переход от индустриальных к сервисным отраслям усиливает значимость таких компонент как уверенность, самоидентификация, материальное благополучие при комплексном подходе к стратификации общества. С моей точки зрения, в тексте недостаточно четко даны определения понятий и показателей, которыми оперируют авторы. Например, в таблицах Приложения 1 приведены показатели структурной и обменной мобильности (они присутствуют даже

в книге 1997 г.), к определению которых существует несколько подходов в литературе, а методология расчета не указана. И даже внутри одного раздела методология подсчета меняется: на с. 303 структурная + обменная = мобильность, а во всех последующих таблицах они нормированы и структурная + обменная = 100%. Эта на первый взгляд техническая деталь показывает, что в столь сложных динамичных областях исследований, где нет единой устоявшейся и «абсолютно верной» методологии, надо стараться быть предельно аккуратными в определениях понятий и показателей.

Изучая роль образования, влияние родителей и намерения респондентов на основе интервью с рабочими, авторы делают слишком глобальный вывод. «Те же из них, кто все же хочет «выйти из класса» и осуществить восходящую социальную мобильность, делают это, скорее, не для повышения статуса, а для достижения более комфортной жизни» (с. 138). Все-таки утверждая, что представители рабочих специальностей больше ориентированы на классовое воспроизводство, и меньше — на классовую мобильность, следует оговориться, что имеются в виду только те, кто даже при наличии намерений вырасти, пока остается в рядах рабочего класса. Люди, с неудачной восходящей мобильностью остались, а преуспевшие в реализации намерений «выйти из класса» вышли за рамки данной части исследования. Реальные масштабы перемещения видны на количественном опросе. Достижение более комфортной жизни — универсальная общечеловеческая цель.

В главе 6 интересно описаны паттерны передачи крупного бизнеса — причины, гендерные особенности, основные этапы передачи — на основе зарубежных исследований. Далее, интервьюируя 20 детей российских собственников бизнеса, участвующих в программе обучения преемников (с. 146). Прорисовывая с респондентами схемы их дальнейшей жизни, авторы исследования обнаруживают, что в возрастном интервале до 30 лет они планируют завершить образование и создать семью, к 40 годам — иметь собственный бизнес, а в 45–50 лет хотят отойти от активного участия в бизнесе и заняться отдыхом, хобби, развлечениями, и этим они отличаются от своих бизнесменов — родителей. Наличие коммуникативной платформы в семье для успешной передачи ценностей детям родителями несколько переоценено, и о полном взаимопонимании с детьми говорят гораздо больше родителей, чем это подтверждают их собственные дети. Вывод авторов о высокой вероятности передачи бизнеса детям-преемникам следует также снабдить оговоркой, что они беседовали только с детьми, которые уже обучаются на бизнес-программах для преемников. Речь не идет о других бизнесах или других детях из рассмотренных бизнес-семей, о которых, например, была речь на упомянутой мной в начале обзора недавней дискуссии в Сколково.

Продолжая логику биографического исследования о людях 1965–1968 годов рождения, проведенного в 1992–1994 гг. под руководством Д. Берто, авторы предпринимают попытку актуализировать описание жизненных траекторий возрастной когорты нынешних 45–50-летних на основе 32 биографических интервью с руководителями среднего звена. Кроме формальной траектории трудовой карьеры, «в ходе интервью предусматривался детализированный ретроспективный рассказ, сфокусированный, прежде всего, на критических моментах в изменении позиции и субъективном отношении индивидов к своему жизненному опыту», в том числе к событиям в семейной жизни, к стилю жизни (с. 164). Обнаруженные в исследовании два типа профессиональных ценностей: приверженность профессиональной автономии и свободе в построении своей карьеры (группа А, «акторы»), и приверженность статусной иерархии и стабильности (группа Б, «ведомые»), с моей точки зрения подтверждают крайнюю неоднородность группы «руководителей среднего звена», выбранной в качестве объекта анализа. Мне, как количественному аналитику здесь не хватило описания распределения групп А и Б по отраслям занятости — возможно именно сферой занятости, внешними причинами обусловлены

озвученные респондентом ценности. Как справедливо отмечают авторы, группа А близка по стилю и отношению к жизни представителям среднего класса в его западном понимании в своем стремлении к автономии, саморазвитию и профессионализму, а группа Б скорее относится к административно-бюрократическому типу управленца. Это еще раз доказывает вывод других, в том числе и наших исследований, о сложности социальной структуры, и необходимости комплексного подхода к ее изучению.

В этой точке структура книги сыграла с авторами злую шутку. После рассказа о крупных бизнесменах и их детях, рисования семейных деревьев и исследования преемственности ценностей, читатель спросит: «А как же родители? Где их роль в образовании и карьере руководителей среднего звена? Есть преемственность или каждый человек сделал себя сам?» Скорее всего, речь об этом шла в интервью (в гайде упоминается только мнение родителей о выборе образования респондентом, с. 376), но материал просто не вошел в книгу. Дорогие авторы исследования, от имени данной возрастной когорты я прошу развития темы межпоколенной мобильности в зеркале проведенных Вами интервью. Или это намеренный шаг и завязка сюжета для второго тома? Для успокоения читателя книги отмечу, что о необходимости исследований мобильности с помощью биографических интервью, и о многомерности происходящих в обществе процессов речь пойдет в гл. 13 (с. 273) при описании социальных траекторий женщин.

В завершение мне хотелось бы обратить внимание на итоги количественного исследования межпоколенной мобильности, и сравнить их с нашей работой на эту тему (Малева, Бурдяк, 2016). Авторы опираются на данные репрезентативного опроса населения, сравнивая образование, доходы, занятость респондента и жилищные условия в 25-летнем, 35-летнем 45-летнем, 55-летнем возрасте и на момент опроса с аналогичными характеристиками первого и второго кормильцев семьи на момент, когда респондент был в возрасте (от 10) до 16 лет (с. 336). Характеристики кормильцев спрашиваются «в общем» без привязки к какому-то временному или возрастному интервалу. И если уровень образования в течение жизни мало менялся, то статусу занятости старшего поколения мог быть разным. Скорее всего, респондент рассказал нам либо о самой длительной работе, либо о последнем месте занятости кормильца. В связи с этим, возникает несколько требующих рассуждения моментов.

Первый — кто все-таки выступает в качестве основного («приносил в семью наибольший доход», с. 336) и дополнительного кормильца семьи? Среди предлагаемых респонденту ответов мы видим не только родителей, но также бабушек, дедушек, других родственников. Как показано в книге (1997 г.), и как утверждают многие современные работы, масштабы мобильности по линиям «отец-сын» или «мать-дочь» различаются, и в целом женщины показывают большую межпоколенную мобильность. В измерении мобильности относительно первого кормильца есть смысл и новаторство подхода, однако для меня остается открытым вопрос, насколько изменятся результаты, когда мы проведем «классическое» сравнение респондента с его родителями. Думаю, что в целом картина изменится не сильно.

Второй вопрос — о возрасте. Когда мы сравниваем между собой два поколения, то логично это делать в сопоставимых возрастных интервалах, например, когда респонденту 35–40 лет. В случае с кормильцами возрастные рамки сильно расширяются за счет включения других родственников. Получается, что при переходе от «мать-отец» до «первый-второй кормилец» базы сравнения сильно меняются и по возрасту, и в гендерном плане. Сравнение напрямую результатов исследований, описанных в двух лежащих передо мной книгах о поколениях, становится еще замысловатее, и искусственному читателю я предлагаю более подробно разобраться в деталях, прочитав их самостоятельно.

Литература

Малева Т. М., Бурдяк А. Я. Средний класс: эмпирические измерения социальной мобильности поколений в России // Журнал новой экономической ассоциации. 2016. № 4. С. 62–85.

Обследование «Образование и занятость» // Независимый институт социальной политики. 2005. URL: <http://www.socpol.ru/gender/Education.shtml> (дата обращения 20.09.2017).

Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ / Семинар из серии «Социология рынков» Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ 12 сентября 2017 г. URL: <https://ecsoclab.hse.ru> (дата обращения 20.09.2017).

Социальная стратификация. Секция Та-06. XVIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. 11–14 апреля 2017 г. URL: <https://conf.hse.ru/2017> (дата обращения 20.09.2017).

Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве / [Голенкова З. Т. и др.]; отв. ред. М. Х. Титма. М.: ИС РАН, 1997.

Социальная мобильность в России: поколенческий аспект / [Ваньке А. В. и др.]; отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, А. В. Ваньке. Москва: Институт социологии РАН, 2017.

Mind the Gap: вызовы поколений. Дискуссия в рамках празднования дня рождения Московской школы управления СКОЛКОВО 16 сентября 2017 г. URL: <http://trends.skolkovo.ru/2017/10/mind-the-gap-vyzovoyi-pokoleniy/> (дата обращения 20.09.2017).